

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

И.Ф. Щербатова

ПОИСК ОСНОВАНИЙ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

П.Я. ЧААДАЕВА И И.В. КИРЕЕВСКОГО:

К ИСТОРИИ «ЗАПИСКИ» П.Я. ЧААДАЕВА А.Х. БЕНКЕНДОРФУ

Щербатова Ирина Федоровна – старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: ir.rius@gmail.com

Работа посвящена исследованию «Записки» П.Я. Чаадаева А.Х. Бенкендорфу (1832), написанной в защиту историософской публикации И.В. Киреевского «Девятнадцатый век» от имени Киреевского. Прочтение этой статьи как политической стало причиной запрета журнала «Европеец». Долгое время считалось, что «Записка» составлена Чаадаевым по просьбе Киреевского, что выводило ее из исследования динамики взглядов Чаадаева. Доказанная в итоге непричастность Киреевского к мистификации Чаадаева, тем не менее, до сих пор не сняла главного вопроса: чьи взгляды, Киреевского или Чаадаева, отражает текст «Записки». Смысловая двойственность «Записки» обусловлена тем, что апологетическая интерпретация статьи Киреевского наслонилась в ней на стремление Чаадаева изложить свою философию истории, в некоторых принципиальных вопросах отличную от позиции Киреевского. Общие идейные корни в концептах двух мыслителей – европоцентризм и Просвещение – становятся основанием и того, что их отличает друг от друга. В статье делается попытка герменевтического анализа текста «Записки» на предмет содержащихся в ней историософских моделей. В содержательном плане обсуждение «Записки» в силу ее монархической направленности до сих пор сводилось к проблеме ответственности Чаадаева и к идеологической интерпретации ее текста. Между тем, «Записка» представляет собой источник, подтверждающий, что поворот Чаадаева от негативной философии истории России, представленной в «Философических письмах» (1829–1830), в сторону допущения особой миссии России, обоснованного в «Апологии сумасшедшего» (1837), начался после Июльской революции 1830 г. Именно Июльская революция стала причиной разочарования Чаадаева в Европе, а не реакция на публикацию «Философического письма».

Ключевые слова: Петр Чаадаев, Иван Киреевский, «Записка» Бенкендорфу, историческое самосознание, культурная элита, философия истории, Просвещение, консерватизм

Для цитирования: *Щербатова И.Ф.* Поиск оснований русского Просвещения у П.Я. Чаадаева и И.В. Киреевского: к истории «Записки» П.Я. Чаадаева А.Х. Бенкендорфу // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 3. С. 5–20.

В статье разбирается история создания в 1832 г. «Записки», в которой тесно переплетены имена П.Я. Чаадаева и И.В. Киреевского, главных на тот момент участников формировавшейся философии истории в России. Учитывая тот факт, что в конце этого же десятилетия в общественном дискурсе оформятся два противоборствующих идейных лагеря – западников и славянофилов, – детализация первого концептуального столкновения патриархов отечественной философии истории, основоположников двух непримиримых позиций, позволит внести некоторую конкретность в историю раскола культурного общества.

«Записка» как памятник мысли и одновременно как исторически обусловленное событие может быть исследована в нескольких планах. В источниковедческом рассматривается проблема авторства; мотивацию автора позволяет глубже понять социология элит; наконец, сам корпус идей оказывается сопряжен не только с историософской проблематикой, но и, как это характерно для наследия Чаадаева, с выходом в политику и идеологию. Весьма символическая история «Записки» демонстрирует и «модус мыслительной практики в России, и характер экзистенциального выбора, который приходится совершать творческой личности, вступающей во взаимодействие с властью и обществом, что формирует своеобразную традицию оппозиционных отношений между свободным философом (философствующим писателем) и главенствующим идеологическим и политическим порядком бытия»¹.

«Записка» П.Я. Чаадаева А.Х. Бенкендорфу по поводу закрытия журнала И.В. Киреевского «Европеец» – весьма своеобразный артефакт истории философии: она написана Чаадаевым от лица Киреевского в защиту его статьи «Девятнадцатый век». Статья «Девятнадцатый век», первая в полном смысле историософская работа в России, была опубликована в журнале Киреевского «Европеец» в начале 1832 г. «Европеец» продолжал традицию литературно-философского журнала, начатую еще в XVIII в. изданиями Н.И. Новикова и продолженную в XIX в. «Вестником Европы» Н.М. Карамзина, «Мнемозиной» В.Ф. Одоевского и В.К. Кюхельбекера, «Московским вестником» М.П. Погодина. Посвящая программную статью «Девятнадцатый век» философии истории России, Киреевский выводил на качественно новый уровень ценностно ориентированный неакадемический философский дискурс: этот дискурс отчетливо отразил европоцентристскую сосредоточенность исторического самосознания.

Интерес к философии истории в России совпадал с общеевропейской тенденцией философской концептуализации истории, но в России импульс осмыслению истории дал разгром движения декабристов, ставший символическим завершением периода дворянского Просвещения, начало которому положила Екатерина II в 1760-е гг. и которое определяло идеалы двух поколений. Поэтому поиск философского знаменателя для истории в конце 1820 – начале 1830-х гг. определялся вопросом: почему в России не получилось так, как в Европе? Соответственно и осмысление уроков поражения движения декабристов, быстро приобретающее формы историософского дискурса, проходило в горизонте европоцентризма, но при этом ключевым понятием и у Киреевского, и у Чаадаева было «Просвещение». В начале XIX в.

¹ Жукова О.А. Творчество Чаадаева и его интерпретация в интеллектуальной культуре Серебряного века // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 1. С. 69.

европейское Просвещение не было воспринято в России адекватно. В осмыслении теории и практики Просвещения привлекала главным образом его политическая сторона, но совершенно упускалось гуманистическое целеполагание. Киреевский и Чаадаев были первыми, кто это осознал, что нашло отражение на страницах статьи «Девятнадцатый век» и в анализируемой здесь «Записке».

Идеологическое прочтение «Записки» Чаадаева

Текст статьи Киреевского «Девятнадцатый век» был прочитан властью как пропагандистский, и «Европеец» был запрещен в феврале 1832 г. после первого номера. Незамедлительно В.А. Жуковский, П.А. Вяземский и П.Я. Чаадаев обратились к императору Николаю I и к шефу жандармов, главному начальнику Третьего отделения императорской канцелярии А.Х. Бенкендорфу в защиту издателя. Жуковский и Вяземский факт запрета журнала восприняли как сигнал об изменении статуса культурной элиты. В конце первой трети XIX в. культурная элита исходила из убеждения в символическом сотрудничестве с властью в силу общности целей. Эта уверенность указывала на преданность элиты устаревшей к тому времени классицистической модели ее взаимодействия с монархом, где только культурное дворянство способно предоставить «силу интеллекта» в посредничестве между правительством и народом²; отсюда общий для всех посланий налет дидактизма.

Чаадаев также исходил из представления о просветительском служении культурной элиты и разделял аристократическую элитаристскую парадигму, будучи убежденным, что народ не имеет ничего общего с Разумом³. Со стремлением остановить нарастающее отчуждение власти связано желание Чаадаева донести до государя мысль, что заблуждения общества – это одновременно и заблуждения власти. В «Записке» он напомнил, что правительство, так же как и народ, не ведало, насколько «историческое развитие России было отличным от такового же Европы», полагая, что «можно перенять западные политические учреждения»⁴. Современники Чаадаева тогда еще помнили, что именно в этом состоял смысл сказанного Н.М. Карамзиным Николаю I по поводу восстания декабристов. Карамзин воспроизводил характерную для его общения с Александром I модель символического равенства ролей в паре поэт и государь, где поэт выступал в роли мудреца, философа – именно этот стиль и попытался воспроизвести Чаадаев в «Записке». Отказ Николая I понимать свою власть в рамках классицистических моделей означал и окончание символического посредничества культурной элиты между монархией и обществом, и завершение «власти пиитов», рожденной в просвещенный век Екатерины.

Несмотря на то что «Записка» Чаадаева является неотъемлемой частью реакции культурной элиты на сигнал об изменении своего статуса, она все-таки стоит особняком в этой истории. «Записка» затрагивала иную сторону конфликта: ее автор реагировал на искажение смыслов философского текста.

² Вяземский П.А. Избранное. М., 2010. С. 193, 194.

³ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 128.

⁴ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. I. М., 1991. С. 517.

Здесь необходимо отметить один нюанс: хотя авторство Чаадаева доказано, остается вопрос, свои ли взгляды транслировал Чаадаев или все же его пером водил Киреевский? Долгое время «Записку» Бенкедорфу так и квалифицировали – как письмо, составленное Чаадаевым по просьбе Киреевского, пока не всплыло объяснение Киреевского, что он к «Записке» не имеет отношения. В 1844 г. Киреевский написал А.С. Хомякову: «Оправдание мое, которое ходило тогда по Москве, было написано не мною и не по моим мыслям и распущено не по моему желанию»⁵, но и после этого вопросы оставались.

М.О. Гершензон, сомневавшийся в авторстве Чаадаева, при издании «Записки» в 1914 г. привел примечания ее первого публикатора И.С. Гагарина⁶, который рассматривал ее как дружеский жест Чаадаева: коль скоро Чаадаев, отдавая перо свое к услугам одного из друзей, говорил не от своего имени, то, следовательно, он «не может считаться ответственным за все высказанные здесь мысли»⁷. В конце 1920-х гг. А. Койре, допуская авторство Чаадаева, отмечал, что «автор этой затеи, кем бы он ни был, по всей вероятности, говорил не то, что он думает, но то, что следовало думать»⁸.

В своем послании царю Чаадаев не всегда точно воспроизводит идеи статьи Киреевского, нередко приписывает ему свои взгляды; более того, он акцентирует внимание на своем понимании условий цивилизационного развития России. В этом случае Киреевский, действительно, оказался в двусмысленном положении. Возможно, поэтому Д.И. Шаховской не без основания допускал, что «Записка» – это оформление позиции исключительно самого Чаадаева⁹. З.А. Каменский и В.В. Сапов в комментариях к изданию «Записки» 1991 г. справедливо полагали, что говорить о позиции Чаадаева стоит только «после очень тонкого и четкого отслаивания того, что можно считать выражением его мнения, от того, что таковым не является», но при этом, противореча себе, оговаривались, что «Записка» в целом не выражает ни мнения Чаадаева, ни мнения Киреевского, но затрагивает «темы, трактовки которых были близки обоим»¹⁰.

Вероятно, определить степень участия Чаадаева поможет выяснение его мотивации. Каменский заметил, что «Записка» есть свидетельство того, что эта история не оставила Чаадаева равнодушным¹¹, с чем трудно спорить, но только ли это?

Не откликнуться на произошедшее Чаадаев, действительно, не мог: дело касалось не просто талантливого критика, а «добротного приятеля», к которому он испытывал «самые теплые чувства любви и уважения»¹² и особенно ценил общность идей. Судя по письму Чаадаева Киреевскому, в начале 1830-х гг. они были дружески расположенными друг к другу ровесниками

⁵ Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 365.

⁶ Впервые «Записка» была опубликована И.С. Гагариным в 1862 г. в Париже по рукописи, переданной М.И. Жихаревым.

⁷ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма: в 2 т. Т. II. М., 1914. С. 316–317.

⁸ Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003. С. 254.

⁹ Шаховской Д.И. Якушкин и Чаадаев // Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. Т. II. М., 1932. С. 188, прим. 1.

¹⁰ [Каменский З.А., Сапов В.В.] Комментарии // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. I. М., 1991. С. 741–742.

¹¹ Каменский З.А. Философия славянофилов. СПб., 2000. С. 88.

¹² Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I. С. 546.

и нередко встречались во флигеле на Басманной: «Увижу ли я Вас у себя сегодня вечером? Мне очень хочется и нужно Вас повидать. Или же, друг мой, приезжайте ко мне в известный Вам час, если можете. Вы знаете, что время несется вскачь. Будьте осторожны, ведь оно может унести Вас на крупе своего коня, – а тогда прощай наши общие идеи, общие надежды»¹³, что собственно и случилось. Последнее десятилетие жизни Чаадаев выступал с острой критикой славянофильства, которая отразила метаморфозы идейных превращений двух приятелей: с начала 1840-х гг. Чаадаев отвергал идею национальной исключительности. В «Письме из Ардатова в Париж» (1845) и в «К статье Киреевского в “Московском сборнике”» (1852) Чаадаев язвительно критикует Киреевского, с грустью отмечая перемены в добром приятеле – его «скрытую злобу против всего нерусского», «вражду ко всему человечеству», косноязычие, сменившее «строгую последовательность, стройность, светлость мысли»¹⁴. Во всем этом он видел результат «слепого послушания одной отвлеченной мысли»¹⁵.

Чаадаев и Киреевский, сохранив приятельские отношения, умерли в один год, в 1856-м, когда западничество и славянофильство уже не оставили друг другу шансов на взаимопонимание, но 1832 г. отразил интереснейший момент взаимовлияния двух мыслителей. Киреевский от протославянофильства, запечатленного в его «Обзрении русской словесности за 1829 год», уверенно встает на западнические позиции и в статье «Девятнадцатый век» заявляет: «У нас искать национального – значит искать необразованного»¹⁶. Чаадаев же в «Записке» вдруг сообщает о непригодности политических и социальных институтов Европы для России¹⁷.

Многое в статье Киреевского не могло не импонировать Чаадаеву¹⁸. В «Записке» легко просматриваются заступничество и лояльная интерпретация в попытке Чаадаева смягчить общий тон независимой в своем самовыражении позиции молодого критика. Однако Чаадаев был слишком сосредоточен на самом себе, чтобы перевоплощаться или выступать доброхотом. Тот факт, что содержание «Записки» явно не обрадовало Киреевского, позволяет предположить, что истинные мотивы Чаадаева были более сложными. Несвойственная «басманному» нарциссу озабоченность судьбой талантливого автора в этой истории наложилась на стремление высказать свое *profession de foi*. Из всего чрезвычайно насыщенного историософского текста Киреевского Чаадаев выбирает только то, что соответствует его цели – изложить Николаю I свое понимание путей цивилизационного развития России, но именно это, наиболее существенное, что можно было бы попытаться извлечь из содержания «Записки», не привлекало до сих пор особого внимания исследователей. Наиболее содержательной казалась проблема идеологической направленности послания Чаадаева.

С идеологического прочтения историософского текста Киреевского, собственно, и начиналась история запрета «Европейца». Те, кто отслеживал общественное настроение, имея в виду уроки недавней попытки дворянской

¹³ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. II. М., 1991. С. 74.

¹⁴ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I. С. 547.

¹⁵ Там же. С. 560.

¹⁶ Киреевский И.В. Критика и эстетика. С. 98.

¹⁷ Там же. С. 517.

¹⁸ Смирнов В.Н. Парадоксы политического романтизма И.В. Киреевского: между вселенской монархией и национальным государством // Соловьевские исследования. 2021. Вып. 1. С. 25.

революции, безошибочно почувствовали в философии истории идеологического контрагента. Дело в том, что запрету «Европейца» предшествовало расследование, проводившееся в недрах Третьего отделения императорской канцелярии, итогом которого стала аналитическая записка. Она была найдена в середине 1960-х гг. в архиве Третьего отделения. Этот документ представляет собой образец «политической аналитики» николаевского режима. Автор, имея определенные представления о немецкой философии и о философии Просвещения, обнаружил в статье Киреевского скрытые политические смыслы, представив философско-исторический текст как агитационный вызов главы оппозиционной партии шеллингианцев: «Журнал “Европеец” издается с целью распространения духа свободомыслия»; «издатель сего журнала г. Киреевский есть ныне главою шеллинговой секты и поддерживаемый кредитом своего дяди Жуковского имеет сильную партию между молодыми людьми»¹⁹.

Киреевский, действительно, свободно обсуждал последствия Французской революции, творчески развивал просветительский дискурс, не нарушая при этом тонкой грани между философией истории и политикой, что не было учтено аналитиками сыска. Вот как звучит мгновенно ставшая известной всему культурному обществу знаменитая интерпретация слов Киреевского: «Стоит только знать, что просвещение есть синоним свободы, а деятельность разума означает революцию, чтоб иметь ключ к тайнствам сей философии»²⁰. Взгляд на философию как на первопричину революции был своего рода понятийной матрицей, поэтому Николай I, осуждавший опыт импорта идей Екатерины II и Александра I, приведший к попытке дворянской революции, запретил журнал. В свою очередь Чаадаев не мог не отметить, как сложный историософский текст примитивизируется и идеологизируется властью, а после этого воспринимается той же властью как подрывающий устои. В подобной реакции он увидел свидетельство непонимания властью ценностных ориентиров культурного общества.

Мотивацию Чаадаева можно понять, если учесть, что он только закончил свои «Философические письма» (1829–1830), как появилась статья «Девятнадцатый век», где содержалось множество смысловых пересечений в общем для обоих мыслителей предмете – «истории философского разума» – и где автор представлял власть как просвещенного союзника. Вряд ли совпадением было то обстоятельство, что с этого времени Чаадаев начинает прилагать усилия к публикации «Философического письма». Он увидел, что и цензура, и аналитики политического сыска пропустили рассуждения Киреевского о преимуществах Римской церкви, о слабости церкви в России. И хотя в первом «Философическом письме» не найти прямых упоминаний ни «Римской церкви», ни «православия», смелость его открытой позиции относительно цивилизующей роли Вселенской церкви, возможно, была не столь безрассудной для времени, когда «принятие католицизма ставилось в ряд с государственными преступлениями»²¹. Политические же аллюзии Чаадаев считал абсурдными.

¹⁹ Фризман Л.Г. К истории журнала «Европеец» // Русская литература. 1967. № 2. С. 118, 119.

²⁰ Там же. С. 118.

²¹ Цимбаева Е.Н. Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX века. М., 2013. С. 69.

Однако «Записка» Чаадаева, спустя годы, по-прежнему прочитывалась исключительно в идеологическом ключе и, что характерно, уже не властью, а теми, кто находился по ту сторону «баррикад». В 1862 г., получив от издателя Гагарина сочинения Чаадаева, эмигрант и католический священник В.Ф. Печерин написал А.И. Герцену: «Мне кажется, эта записка не делает чести ни Чаадаеву, ни нашему поколению вообще»²². Комментируя эту оценку, Каменский и Сапов поддержали Печерина, посчитав, что «“Записка” содержит в себе положения, которые нельзя назвать иначе как верноподданническими и ренегатскими». К последним комментаторы отнесли «отказ от революционности», объясняемый «беспринципной апологетикой», а также отказ «от свободы, от конституции, и даже от самого права рассматривать политические проблемы». В «Записке» виделась проповедь монархизма и «единение с официальной правительственной политикой в идеологической области»²³.

Представляется, что это довольно-таки упрощенная оценка намерений Чаадаева. Чаадаев не отказывался от права говорить о политике, но в данном случае он стремился именно отвести «политику» от Киреевского. Комментаторы, видимо, допускали возможность в письме, адресованном в императорскую канцелярию, отстаивать свободу и конституционализм. Однако это было невозможно не только по причинам собственной безопасности или необходимости следовать канону подобного жанра – дрейф Чаадаева в сторону консерватизма был органичным. К тому времени все участники конституционного дискурса, инициированного Александром I, изменили свои политические воззрения и от революционного романтизма или дворянского либерализма пришли к консерватизму. Давно уже «Брут» в отставке, Чаадаев был не просто убежденным противником революционных методов, он отверг «политику» как возможный способ содействия социальному прогрессу, сосредоточившись на духовно-нравственном совершенствовании общества.

К началу 1830-х гг. Чаадаев был убежден в том, что «выполнение судеб... должно произойти исключительно в интеллектуальной сфере и что политика тут ни при чем»²⁴. Однако нельзя не обратить внимания на то, что историософская по направленности «Записка» Чаадаева на протяжении едва ли не столетий воспринимается как политический текст и утрированно идеологизируется, что подтверждает идеологическую притягательность историософского текста. Как заметил Э.Ю. Соловьев, именно философия истории доставляла «самое калорийное топливо» к «обсуждению проблематики идеологий»²⁵. С другой стороны, идеологически предвзятая реакция Печерина и более поздних исследователей свидетельствует о том, что сарказм и ирония Чаадаева, заложенные в гротескно-верноподданнических излияниях, распознавались плохо. Впрочем, Койре увидел сарказм в «Записке» и воспринял его как довод в пользу авторства Чаадаева: «Киреевскому чужд горький сарказм Чаадаева»²⁶.

²² Из переписки В.С. Печерина с Герценом и Огаревым // Литературное наследство. Т. 62. Ч. II. М., 1955. С. 473.

²³ [Каменский З.А., Сапов В.В.] Комментарии. С. 741.

²⁴ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I. С. 520–521.

²⁵ Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. М., 2018. С. 66.

²⁶ Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. С. 254.

Свое послание власти Чаадаев по обыкновению тех лет читал в салонах. Это обстоятельство многое объясняет в понимании верноподданнического крена «Записки»: она была рассчитана на слушателя, способного услышать саркастический подтекст и иронию, свойственные чаадаевской манере, при том, что формально текст оставался безупречно лояльным. Тем не менее Чаадаев не ограничивается намеками, а прямо говорит, что «благодеяния» государей так и не привели к «общественной нравственности»: «Если нам удастся утвердить ее на религиозном базисе, ...и перестроить всю нашу цивилизацию на этих новых основах, мы в таком случае окажемся на истинных путях»²⁷. Сарказм в описании «заслуг» российского деспотизма проявляется и в обращении Чаадаева к сюжетам, не связанным с текстом Киреевского. Так, Чаадаев, не думая о том, что подобные заявления – плохая помощь Киреевскому, выдвигает требование отмены крепостного права как несовместимого с «прогрессом моральным», подвергает критике православную церковь, находящуюся «в состоянии летаргии», и квалифицирует правительственных чиновников как людей, которые с колыбели освоились «со всеми родами несправедливости»²⁸. Так он очерчивал контур необходимых изменений, после которых позволительно говорить о каком-либо социальном, гуманитарном и нравственном развитии общества.

Таким образом, анализ текста «Записки» показывает, что проблема «ре-негатства» так же, как и проблема консерватизма Чаадаева, далеко не однозначна. Однако куда важнее, что в идеологических интерпретациях было отставлено в сторону и в конечном итоге упущено историософское содержание «Записки».

Концепт «старой Европы» как краеугольный камень разногласий

«Записка» представляет интерес уже тем, что это, учитывая резонанс, о котором упоминал в письме Хомякову Киреевский, первый публичный выход Чаадаева – не бесстрашного героя Отечественной войны 1812 г., участника шести сражений, и не неудачливого курьера, запоздавшего с донесением к Александру I, а философа российской истории. Культурному обществу, за исключением ближайших друзей Чаадаева, были неизвестны уже законченные «Философические письма». «Записка» же была написана после Июльской революции во Франции 1830 г., «подорвавшей его спокойную, непоколебимую веру в Европу»²⁹, прежде воодушевлявшую Чаадаева. В 1831 г. он написал А.С. Пушкину: «Что до меня, у меня навертываются слезы на глазах, когда я вижу это необъятное злополучие старого, моего старого общества; это всеобщее бедствие, столь непредвиденно постигшее мою Европу, удвоило мое собственное бедствие»³⁰. Революция 1830 г. обнаружила изъясненную Чаадаевым западной цивилизацией, и в «Записке» впервые запечатлелась пока еще только его интуиция о России как о «резервной силе Провидения»³¹, которая будет развернута в «Апологии сумасшедшего» (1837).

²⁷ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I. С. 520.

²⁸ Там же. С. 518.

²⁹ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. С. 142.

³⁰ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. II. С. 71.

³¹ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. С. 142.

В «Записке», а затем в письмах³² начала 1830-х гг., проскальзывают первые прозрения о провиденциальном смысле отставания России, о которой теперь Чаадаев говорит как о «великой нации, создавшей себя самостоятельно»³³.

Иными словами, не давление, связанное с публикацией «Философического письма» в 1836 г., а удар, нанесенный его вере в неуязвимость западной цивилизации Июльской революцией, привел в движение монолит «евроцентричного провиденциализма» Чаадаева³⁴, что собственно не новость – об этом писали А. Валицкий и Каменский³⁵. Но эти авторы момент чаадаевского кризиса обозначали неопределенно, как начало 1830-х гг., тогда как именно в «Записке» впервые столкнулись взаимоисключающие взгляды Чаадаева на предназначение России. В России как «атопическом Ничто», которое отменяет логику Провидения, историческую преемственность и вообще причастность всемирно-историческому процессу³⁶, Чаадаев начинает прозревать Россию как Нечто, олицетворяющее мудрость Провидения и завораживающую потенциальность *tabula rasa*. Валицкий показал, насколько привлекательной оказалась чаадаевская морфема *tabula rasa* для оппозиционной идеологии³⁷. В «Записке» 1832 г. Чаадаев почти готов использовать мессианскую риторику. Впервые он говорит о русском народе как о «новом народе», «призванном к необозримому будущему»; он противопоставляет «новый народ» «старым обществам», с трудом «дотягивающим последние дни своего многолетнего поприща»³⁸.

Примечательно, что за два года до этого, в 1830 г., Киреевский, осваивая мессианский ресурс, уже использовал понятия «молодой народ» и «старая Европа»³⁹ – подход, который ровно через 40 лет ляжет в основу теории Н.Я. Данилевского. Однако к 1832 г. сам Киреевский отошел от профетической позиции в отношении будущего России. Он вернулся из Европы в 1830 г., преисполненный западнического настроения, и не разделял ни чаадаевского пессимизма в отношении России, ни его первых допущений в пользу преимуществ самобытного развития. И это не единственное их разногласие. При всей противоречивости текста «Записки» есть в ней одна тема, которую Чаадаев выписывает очень тщательно. Это мысль о необходимости для России взять за образец дореволюционную Европу: «Что у нас может быть общего с этой новой Европой, столь жестоко терзаемой потугами некоего рождения, в смысле которого она сама не может отдать себе отчета?

³² Из письма А.И. Тургеневу (1833): «Пройдет немного времени, и, я уверен, великие идеи, раз достигнув нас, найдут у нас более удобную почву для своего осуществления и воплощения в людях, чем где-либо» (Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. II. С. 79).

³³ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I. С. 517.

³⁴ Peterson D.E. Civilizing the Race: Chaadaev and the Paradox of Eurocentric Nationalism // The Russian Review. 1997. Vol. 56. No. 4. P. 550.

³⁵ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. С. 142; Каменский З.А. Парадоксы Чаадаева. Вступительная статья // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I. С. 64.

³⁶ Chepurin K., Dubilet A. Russia's Atopic Nothingness: ungrounding the world-historical whole with Pyotr Chaadaev // Angelaki. 2019. Vol. 24 (6). P. 136.

³⁷ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. С. 145–147.

³⁸ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I. С. 522.

³⁹ Киреевский И.В. Критика и эстетика. С. 78. Интересно, что этот мессианский замес происходил на фоне возникавших в начале 1830-х гг. в Европе «Молодой Германии», «Молодой Италии» и «Молодой Европы».

Мы должны, как я уже говорил, искать уроков себе в старой Европе, где совершены были столь великие дела»⁴⁰.

Однако казус в том, что именно в этом вопросе Киреевский и Чаадаев стояли на непримиримых позициях. Философия истории конца первой трети XIX в., представленная ранним Киреевским и Чаадаевым, не только тематически отталкивалась от ментального переворота как следствия Французской революции, но и систему ценностей выстраивала в зависимости от понимания просвещенческих идеалов морального прогресса и силы разума. Чаадаев, оперируя этими просвещенческими понятиями, занял догматически-консервативную позицию по отношению к идеалам Французской революции. Подлинное Просвещение он выводил из развития религиозных идей, и такое Просвещение он рассматривал как источник и показатель духовно-нравственного состояния общества. Этот опыт, по его мнению, должен воспроизвести Россия. Он исходил из роли христианства как доминирующего духовного принципа в развитии общества, на пути которого встала разрушительная философия Просвещения: «Ум человека, отклоненный от своих законных путей нелепой и безбожной философией восемнадцатого века, вернулся наконец к более мудрой мысли; ... в настоящее время религия вступила вновь в свои права в области философии»⁴¹.

Позиция Киреевского в этом вопросе была иной, более диалектичной, на что указал Койре⁴². Там, где Чаадаев видел только возврат, реставрацию, там Киреевский, следуя Гегелю, видел сложный синтез – «третье изменение духа девятнадцатого века: стремление к мирительному соглашению враждующих начал»⁴³. Главное же отличие заключалось в том, что Киреевский проводил как раз идею непригодности для России опыта дореволюционной Европы – в силу совершенно иного исторического развития России, несовместимого с пройденным старой Европой. Было нечто специфическое и оригинальное в понимании Киреевским Просвещения конца XVIII – начала XIX в.: он рассматривал его как «самобытный» этап развития сознания, преемственно не связанный с прежним умственным состоянием Европы. Именно поэтому оно подходило России и Америке, не имевших опыта старой Европы: «Старое просвещение связано неразрывно с целою системою своего постепенного развития, и, чтобы быть ему причастным, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвещение противоположно старому и существует самобытно. Поэтому народ, начинающий образовываться, может заимствовать его прямо» и таким образом приобщиться к «просвещению общечеловеческому»⁴⁴.

В начале 1830-х гг. Киреевский не сомневался в универсальности и общечеловеческой значимости западного Просвещения. Он вкладывал в это понятие, в первую очередь, гуманистические смыслы, которые, помимо воли автора, в России могли прочитываться и как политические, хотя Киреевский не скрывал того, что ему претили вольнодумство и грубый материализм французского Просвещения. Он мыслил в категориях «всемирной прогрессии», придерживался просвещенческой концепции поступательного

⁴⁰ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I. С. 521.

⁴¹ Там же.

⁴² Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. С. 245.

⁴³ Киреевский И.В. Критика и эстетика. С. 83.

⁴⁴ Там же. С. 100–101.

развития. Он признавал роль христианства, Римской церкви в формировании западной цивилизации, но ведущую цивилизационную роль отдавал именно Просвещению. В освоении Россией европейского Просвещения он видел условие приобщения России к общечеловеческим ценностям. Просвещение в России, по его мнению, играет ту же роль, что и христианство в Европе: «Только с того времени, как история наша позволила нам сблизиться с Европою, ...начало у нас распространяться и просвещение в истинном смысле сего слова, то есть... участие в общей жизни просвещенного мира, ибо отдельное, китайски особенное развитие заметно у нас и прежде введения образованности европейской; но это развитие не могло иметь успеха общечеловеческого, ибо ему недоставало одного из необходимых элементов всемирной прогрессии ума»⁴⁵. Через сорок лет в романе «Бесы» Ф.М. Достоевский, изливая сарказм на либералов-западников 1840-х, с издевкой заметит, что те, по обыкновению за шампанским, «впадали в общечеловеческое», рассуждая «о будущей судьбе Европы и человечества»⁴⁶. Вряд ли он тогда догадывался, что понятие «общечеловеческого» ввел в историософский дискурс Киреевский как обозначение цивилизационного вектора для России. Киреевский, таким образом, разрешал неразрешимую в логике Чаадаева дилемму, он указывал на возможность России, осваивая современное западное Просвещение, стремительно выйти на цивилизационный путь развития.

Чаадаев же в «Записке» занимал двойственную позицию. Общеизвестные достижения Европы, как он считал, обязаны развитию и практически полному воплощению в Европе религиозных идей. Отсюда его довольно рискованное признание: «Я желал бы для моей страны, чтобы в ней проснулось религиозное чувство... Я думаю, что то просвещение, которому мы завидуем у других народов, является не чем иным, как плодом влияния, которое имели там религиозные идеи»⁴⁷. При этом, не отрицая ценности европейского Просвещения, он увидел отдаленную возможность развития России за счет собственных ресурсов, так «чтобы из нашего собственного запаса извлечь те блага, которыми нам в будущем предстоит пользоваться»⁴⁸.

Таким образом, в «Записке» имело место сочетание нескольких конфликтных уровней – стремление Чаадаева раскрыть содержание статьи Киреевского и вместе с тем приписывание Киреевскому своих собственных взглядов наряду с двоящейся позицией самого Чаадаева и саркастическим салонным тоном, скрывавшим надежду на понимание. Этот смысловой палимпсест делал «Записку» крайне непрозрачным источником.

Западничество Киреевского начала 1830-х гг. сопровождалось своеобразным движением назад – от философии романтизма Любумодров с их повышенным вниманием к национальному самосознанию к просветительской концепции прогрессивного развития. Пребывание в Европе привело Киреевского к осознанию актуальности для современной ему России задач, поставленных некогда Просвещением перед Европой. Подобное же методологическое наложение, иллюстрирующее сложность применения результатов векового европейского развития к отстающему обществу, было характерно

⁴⁵ Киреевский И.В. Критика и эстетика. С. 96.

⁴⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 30.

⁴⁷ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I. С. 518.

⁴⁸ Там же. С. 517.

и для Чаадаева. На синтез «доромантического, антипросветительского традиционализма» и «романтического католицизма» как на особенность мировоззрения Чаадаева указал Валицкий⁴⁹. Этот сложный синтез определяет неоднозначность позиции Чаадаева, которую принято было рассматривать как консервативную. Между тем, негативная философия истории Чаадаева играла идеологически деструктивную роль для николаевского деспотизма. «Функциональность», по выражению Валицкого, чаадаевского консерватизма была такова, что консерватором он не был, в том смысле, что «Философическое письмо», этот депрессивный манифест русского негативизма, прогремело выстрелом, вдохновившим идеологов русской революции⁵⁰. «Записке» же не посчастливилось обрести столь вдохновенный резонанс, возможно, именно в силу избыточного консерватизма. Ее цель – указать единственно верный путь, путь назад, к позитивному чаадаевскому идеалу «старой» Европы, просвещение которой, основанное на христианстве, способно отвести революцию.

Чаадаев понимал, что запрет журнала «Европеец» объясняется страхом революции и уверенностью в провокативной роли философии, поэтому он очертил перспективу, с одной стороны, – не-европейского и не-революционного развития российского общества, а с другой, – поглощения философии религией, то есть модель, которая, по его мнению, должна была быть воспринята властью с энтузиазмом. Уже через полгода, в 1833 г., все еще находясь во власти иллюзии возможного сотрудничества с властью, он напишет уже лично Николаю I, конкретизируя намеченное в «Записке»: «Россия развивалась во всех отношениях иначе, и ей выпало на долю особое предназначение в этом мире. Мне кажется, что нам необходимо обособиться в наших взглядах на науку не менее, чем в наших политических воззрениях, и русский народ, великий и мощный, должен, думается мне, вовсе не подчиняться воздействию других народов, но с своей стороны воздействовать на них»⁵¹.

Действительно, возникает ощущение, что Чаадаев пытался встроиться в официальную идеологию, однако это не было ренегатством, ренегатство – это из другой стилистики, пока еще не знакомой Чаадаеву. Он уже написал все восемь Философических писем, уже создал уникальную религиозно-философскую систему, или первую в России полноценную систему христианской философии⁵², значение которой он не мог не осознавать, но которая была известна пока только бедной г-же Пановой. Старомодный Чаадаев видел себя независимым придворным философом (по примеру Карамзина), потому что сознавал свое избранничество, роль, данную в истории сначала пророкам, а затем пиитам. Стоит ли говорить, что это видение уже не отвечало современным реалиям, хотя в ином случае ключевые позиции в обществе позволили бы элите устанавливать легитимность определенных форм культуры вообще и публичной философии, в частности⁵³, что особенно было чувствительно для Чаадаева.

⁴⁹ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. С. 124.

⁵⁰ Там же. С. 140.

⁵¹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. II. С. 83.

⁵² Смирнов В.Н., Евлампиев И.И. Система Гегеля и романтизм: два полюса исторических воззрений П.Я. Чаадаева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 4–2. С. 135.

⁵³ Friedman S., Reeves A. From Aristocratic to Ordinary: Shifting Modes of Elite Distinction // American Sociological Review. 2020. Vol. 85. Issue 2. P. 325.

Таким образом, «Записка» Чаадаева Бенкендорфу в защиту «Европейца» имеет довольно сложную оптику, не сводимую к апологии статьи Киреевского. Цели Чаадаева были более амбициозными: представить власти модель развития, основанную на религиозно-нравственном совершенствовании общества. Можно предполагать, учитывая его склонность к философскому наставничеству и доктринерству, что именно таким он представлял свой разговор с Николаем I. Некоторое время Чаадаев еще верил, что может привлечь внимание государя. В 1833 г. в письме императору он сопроводил ходатайство о принятии на службу изложением своего видения состояния просвещения в России, за что получил выговор от Бенкендорфа: «Его Величество, конечно бы, изволил удивиться, найдя диссертацию о недостатках нашего образования там, где, вероятно, ожидал одного лишь изъявления благодарности и скромной готовности самому образоваться в делах, Вам все незнакомых»⁵⁴.

Таков был новый формат общения власти и культурной элиты, свидетельствовавший о начале процесса сужения поля аристократических практик производителя культуры⁵⁵, что оказалось далеко не безобидно и для философии, существовавшей в общественном пространстве. Негативную роль для дальнейшего развития философии истории сыграли два обстоятельства: первое – это запрет «Европейца», можно сказать, сгубивший удивительной глубины светлый, позитивный философский талант Ивана Киреевского, и, второе, – запрет публиковаться Петру Чаадаеву, лишивший общество возможности вовремя познакомиться с другими «Философическими письмами», которые разорвали бы заданную Первым письмом схоластическую европоцентричную узость взвешенным научным анализом, новыми методами, смыслами и контрверсами.

Список литературы

- Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 695 с.
- Вяземский П.А. Избранное. М.: РОСПЭН, 2010. 496 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 519 с.
- Жукова О.А. Творчество Чаадаева и его интерпретация в интеллектуальной культуре Серебряного века // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. №. 1. С. 68–83.
- Из переписки В.С. Печерина с Герценом и Огаревым / Публ. А.А. Сабурова // Литературное наследство. Т. 62. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 463–484.
- Каменский З.А. Парадоксы Чаадаева. Вступительная статья // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. I. М.: Наука, 1991. С. 9–85.
- Каменский З.А. Философия славянофилов. СПб.: Изд-во РХГА, 2000. 536 с.
- [Каменский З.А., Сапов В.В.] Комментарии // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. I. М.: Наука, 1991. С. 690–769.
- Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 440 с.
- Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века / Пер. с фр. А.М. Руткевича. М.: Модест Колеров, 2003. 302 с.

⁵⁴ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. II. С. 449.

⁵⁵ Friedman S., Reeves A. From Aristocratic to Ordinary. P. 340.

- Смирнов В.Н. Парадоксы политического романтизма И.В. Киреевского: между вселенской монархией и национальным государством // Соловьевские исследования. 2021. Вып. 1. С. 17–30.
- Смирнов В.Н., Евлампиев И.И. Система Гегеля и романтизм: два полюса исторических воззрений П.Я. Чаадаева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 4–2. С. 124–136.
- Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 21–72.
- Цимбаева Е.Н. Русский католицизм: Идея всевропейского единства в России XIX века. М.: ЛКИ, 2013. 208 с.
- Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М.: Наука, 1991.
- Чаадаев П.Я. Сочинения и письма: в 2 т. / Под ред. М. Гершензона. М.: Тов-во типогр. А.И. Мамонтова, 1913–1914.
- Фрицман Л.Г. К истории журнала «Европеец» // Русская литература. 1967. № 2. С. 117–126.
- Шаховской Д.И. Якушкин и Чаадаев // Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. Т. II. М.: Всесоюзное об-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. С. 161–203.
- Chepurin K., Dubilet A. Russia's Atopic Nothingness: ungrounding the world-historical whole with Pyotr Chaadaev // Angelaki. 2019. Vol. 24 (6). P. 135–151.
- Friedman S., Reeves A. From Aristocratic to Ordinary: Shifting Modes of Elite Distinction // American Sociological Review. 2020. Vol. 85. Issue 2. P. 323–350.
- Peterson D.E. Civilizing the Race: Chaadaev and the Paradox of Eurocentric Nationalism // The Russian Review. 1997. Vol. 56. No. P. 550–563.

In search of the foundations of the Russian Enlightenment in Pyotr Chaadayev and Ivan Kireevsky: the history of Pyotr Chaadayev's "Note" to Alexander von Benkendorf

Irina F. Shcherbatova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: ir.rius@gmail.com

This article analyses Pyotr Chaadayev's "Note" (1832), a message addressed to Alexander von Benkendorf, who served as head of the secret police under Nikolai I. "The Note" is essentially a letter that supports Ivan Kireevsky's article entitled "The 19th Century", which Kireevsky published in his magazine – "The European" – and which provoked the secret police to close the magazine right after the publication of the article in 1832. "The Note" is a somewhat enigmatic text because it was signed with Kireevsky's name, which for a long time made researchers believe that it reflected Kireevsky's position. However, in the 1930s, researchers proved that the actual author of "The Note" was Pyotr Chaadayev, and that "The Note" contained his thoughts. "The Note" shows that it was the July Revolution of 1830 that temporarily undermined Chaadayev's belief in Europe and made Chaadayev shift from the negative philosophy of Russian history and the Eurocentrism of his "Philosophical Letters" (1829–1830) towards the idea of Russia's historical mission, despite Russia's backwardness. This backwardness was later presented in the text "Apology of a Madman" (1837) as the idea of Providence guiding Russia through history. The present article argues that in the early 1830s, Kireevsky did not share Chaadayev's belief in Providence. "The Note" reads as a very ambivalent text because Chaadayev used it to both vindicate Kireevsky's article, and to set forth his own philosophy of history. In the present paper, the author separates these two types of arguments and concepts which were tightly interwoven in "The Note", but were in fact reflections of two different, although unstable and somewhat overlapping, positions of two philosophers.

Keywords: Petr Chaadaev, Ivan Kireevsky, “The Note” to Benckendorff, historical consciousness, cultural elite, philosophy of history, Enlightenment, conservatism

For citation: Shcherbatova, I.F. “Poisk osnovanii russkogo Prosveshcheniya u P.Ya. Chaadaeva i I.V. Kireevskogo: k istorii ‘Zapiski’ P.Ya. Chaadaeva A.Kh. Benckendorfu” [In search of the foundations of the Russian Enlightenment in Pyotr Chaadaev and Ivan Kireevsky: the history of Pyotr Chaadaev’s ‘Note’ to Alexander von Benckendorf], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 3, pp. 5–20. (In Russian)

References

- Chaadaev, P.Ya. *Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma* [Complete Works and Selected Letters], 2 Vols. Moscow: Nauka Publ., 1991. (In Russian)
- Chaadaev, P.Ya. *Sochineniya i pis'ma* [Works and letters], 2 Vols., ed. by M. Gershenzon. Moscow: Mamontov Publ., 1913–1914. (In Russian)
- Chepurin, K. & Dubilet, A. “Russia’s Atopic Nothingness: ungrounding the world-historical whole with Pyotr Chaadaev”, *Angelaki*, 2019, Vol. 24 (6), pp. 135–151.
- Dostoyevskii, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works], Vol. 10. Leningrad: Nauka Publ., 1974. 519 pp. (In Russian)
- Friedman, S. & Reeves, A. “From Aristocratic to Ordinary: Shifting Modes of Elite Distinction”, *American Sociological Review*, 2020, Vol. 85, Issue 2, pp. 323–350.
- Frizman, L.G. “K istorii zhurnala ‘Yevropeyets’” [To the history of the magazine ‘European’], *Russkaya literatura*, 1967, No. 2, pp. 117–126. (In Russian)
- Kamenskii, Z.A. *Filosofiya slavyanofilov* [Philosophy of the Slavophiles]. St. Petersburg: RKHGA Publ., 2000. 536 pp. (In Russian)
- Kamenskii, Z.A. “Paradoksy Chaadaeva. Vstupitel'naya stat'ya” [Chaadaev’s paradoxes. Introductory article], in: P.Ya. Chaadaev, *Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannyye pis'ma* [Complete Works and Selected Letters], Vol. I. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 9–85. (In Russian)
- [Kamenskii, Z.A. & Sapov, V.V.] “Kommentarii” [Comments], in: P.Ya. Chaadaev, *Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannyye pis'ma* [Complete Works and Selected Letters], Vol. I. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 690–769. (In Russian)
- Kireyevskii, I.V. *Kritika i estetika* [Criticism and aesthetics]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 440 pp. (In Russian)
- Koire, A. *Filosofiya i natsional'naya problema v Rossii nachala XIX veka* [Philosophy and the national problem in Russia at the beginning of the XIX century], trans. by A.M. Rutkevich. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2003. 302 pp. (In Russian)
- Peterson, D.E. “Civilizing the Race: Chaadaev and the Paradox of Eurocentric Nationalism”, *The Russian Review*, 1997, Vol. 56, No. 4, pp. 550–563.
- Saburov, A.A. (ed.) “Iz perepiski V. Pecherina s Gertsenom i Ogarevym” [From the correspondence of V.S. Pecherin with Herzen and Ogarev], *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], Vol. 62, Pt. II. Moscow: AN SSSR Publ., 1955, pp. 463–484. (In Russian)
- Shakhovskoi, D.I. “Yakushkin i Chaadaev” [Yakushkin and Chaadaev], *Dekabristy i ikh vremya* [Decembrists and their time], Vol. II. Moscow: All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers Publ., 1932, pp. 161–203. (In Russian)
- Smirnov, V.N. “Paradoksy politicheskogo romantizma I.V. Kireyevskogo: mezhdu vselenskoy monarkhiyey i natsional'nym gosudarstvom” [The paradoxes of the political romanticism of I.V. Kireevsky: between the universal monarchy and the nation state], *Solovievskie issledovaniya*, 2021, No. 1, pp. 17–30. (In Russian)
- Smirnov, V.N. & Yevlampiyev, I.I. “Sistema Gegelya i romantizm: dva polyusa istoricheskikh vozzreniy P.Ya. Chaadaeva” [Hegel’s system and romanticism: two poles of the historical views of P.Ya. Chaadaev], *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2020, Vol. 21, No. 4–2, pp. 124–136. (In Russian)
- Solovev, E.Yu. “Filosofiya kak kritika ideologii” [Philosophy as a criticism of ideologies], *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and Ideology: from Marx to Postmodernity], ed. by A.A. Guseinov and A.V. Rubtsov. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2018, pp. 21–72. (In Russian)

- Tsimbayeva, E.N. *Russkiy katolitsizm: Ideya vseevropeyskogo yedinstva v Rossii XIX veka* [Russian Catholicism: The Idea of All-European Unity in Russia in the 19th Century]. Moscow: LKI Publ., 2013. 208 pp. (In Russian)
- Valitskii, A. *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. The structure and metamorphoses of Russian Slavophilism], trans. by K. Dushenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 704 pp. (In Russian)
- Vyazemskii, P.A. *Izbrannoye* [Favorites]. Moscow: ROSEN Publ., 2010. 496 pp. (In Russian)
- Zhukova, O.A. "Tvorchestvo Chaadayeva i yego interpretatsiya v intellektual'noy kul'ture Serebryanogo veka" [Chaadaev's work and its interpretation in the intellectual culture of the Silver Age], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, T. 14, No. 1, pp. 68–83. (In Russian)